

Франция—это результат столкновения противоположных сил, вековой борьбы, великих бедствий и великих мечтаний. В ней на ограниченной территории можно увидеть больше разнообразия и контрастов, чем в любой другой стране... И как Париж—это целых двадцать городов, так и Франция объединяет целую сотню, если не больше, стран.

Луи Арагон

Деревня Сен-Жени

Дорога давно стала частью жизни. И снова мы поехали во Францию—через Утрехт с его плотной пятничной пробкой, которую удалось объехать, но вряд ли объезд стоил того, потому что время мы не выиграли. Через тесный Маастрихт с вечно ремонтируемой дорогой, на насыпях которой давно и уверенно растут сорняки. Через валлонский Льеж с его миргородской лужей в центре города, по которой мы не столько проехали, сколько проплыли, вздымая колёсами волны мутной дождевой воды. Через город Мартеланж, где неширокая улица одной стороной находится в Бельгии, а другой—в Люксембурге. Мы всегда останавливаемся для заправки на люксембургской стороне, потому что там бензин дешевле. И катим дальше, дальше, по благословенной Франции, через её широкие майские бледно-зелёные поля в маковых и ромашковых опушках, с удовольствием глотая сухой, настоянный на травах воздух, нюхая белые, нежно-розовые и бордовые цветы шиповника на клумбах при стоянках кафе, где пьём обжигающий «кафэ ле»—кофе с молоком. Единственная на нашем пути ночёвка происходит в Макси-сюр-Вез, деревне, по центру которой протекает канал с огромными сонными карпами. Рядом с каналом стоит один из домов нашей хозяйки—Даниэлле Нуазетт, у которой мы всегда заказываем шамброт—гостевую комнату с завтраком. И всё это кажется сказкой, декорациями к волшебному, знакомому наизусть фильму, а фильм—наградой за восемь месяцев холодного, выхолаживающего тело и душу серого голландского дождя, льющегося из серого неба, под которым могут себя приемлемо чувствовать только герои Стругацких из «Диких лебедей»—мокрецы. И, видимо, сами голландцы. Во всяком случае, мне, русской жене голландского

учёного-геолога, под вечным дождём неуютно. А вот во Франции... Во Францию муж, преподаватель Утрехтского университета, ежегодно ездит на полевые работы—университет вывозит студентов-первокурсников. И я с удовольствием еду туда же.

На второй день нашего путешествия мы весело мчались из Северной Франции к югу, в департамент Верхние Альпы, мимо Дижона, потом Лиона, мимо Гренобля, мимо полей и пашен под ярко-синим небом, сказочных лесов и рек, пока на горизонте не показались горные хребты в снегу. В конце второго дня нашим взорам предстают облитые белоснежным сахаром вершины. Здравствуйте, Альпы, целый год не виделись! Целый год не виделась с Ирой Сисалли, русской француженкой Ириной Сисалли, и даже не презванивалась, и она, верно, обижена на меня, не зная всех обстоятельств. И с другими нашими знакомцами и друзьями год не виделись.

В Верхних Альпах мы останавливаемся в деревне Сен-Жени, находящейся в восьми километрах от городка Серра. Хозяева большого имения Даниэль и Полетт Нюсса сдают нам маленький домик на своей территории. Надо сказать, что находится имение не совсем в деревне, дорога к которой извилисто ведёт от имения в гору, и идти довольно долго. Владение Даниэля и Полетт, наряду с другим большим домом и относящимся к нему земельным наделом, оказалось у озера Lac de Riou, искусственно созданного из воды горной речушки Рью, питаемой альпийскими ледниками. Озеро закрыто очень высокой дамбой, чётко видимой при въезде в деревню со стороны Серра. В её мутной, но чистой воде водятся рыбы, лягушки, безобидные водяные змеи, растут камыш и много всяких других растений. По озеру плавают лысухи. Они часто выходят из воды и бродят на своих огромных лапах-ластах по берегу, выискивая корм. А вода в Лак-де-Рью мутная из-за мелких водорослей: в сельскохозяйственном районе в воду попадают фосфор, нитрат, калий—всё то, что крестьяне используют для удобрений. Всё это добро перемешивается и становится обильным питанием для водорослей.

Имение Даниэля и Полетт Нюсса существует с эпохи Ренессанса, с семнадцатого века, и владеет

им одна семья—Нюсса. Приезжая, мы обитаем в маленьком домике при, можно было бы написать, господском, если бы Даниэль и Полетт были господами. Но они обычные французские интеллигенты-работяги. Полетт ездит на малолитражке за продуктами в супермаркет и на рынок, готовит, убирает в доме и работает на участке, а бывший инженер-энергетик Даниэль—мэр деревни Сен-Жени и ряда деревень в округе. В свободное от работы время ходит с газонокосилкой, стрижёт траву, собирает черешню и липовый цвет в июне, а в последующие месяцы, наверное, что-то другое—этого мы не знаем. Мы живём здесь ровно месяц в году, и славный нежно-зелёный, полыхающий маками, пахнущий разнотравьем и обжигающий нестерпимо-холодной горной водой альпийский июнь—наш. Имение занимает несколько террас—здесь это не редкость. Наш съёмный домик находится на верхней, выше только обширная клумба с розами, а ещё выше начинается дикий альпийский лес, откуда по ночам доносятся рёв вепрей и трубные раскаты лосей. Перед домом в изобилии растут ирисы—фиолетовые, бордовые, жёлтые, белые, розоватые, почти чёрные. Ирисы—гордость хозяйки, её визитная карточка. Терраса увита виноградом, вплотную к ней растёт инжирное дерево. Каменная тропинка раздваивается от нашего крыльца, одна дорожка ведёт по ступенькам вниз в хозяйский дом, а другая—от домика к каменной ванне, в которой некогда стирали бельё, набирая талую и дождевую воду. В скале над ванной вырублена ниша для небольшой статуи Богоматери—таковы были обычаи этих мест. Статуи давно нет, а ниша осталась, и сейчас в ней стоит горшок с кактусом. Мы иногда усаживаемся на край ванны, ловя зыбкий Интернет—в горах он ненадёжный, хотя в доме мэра и в нашем домике он, вероятно, лучший во всей округе. Когда нам хочется погулять в деревне, мы проходим широкой грушевой аллеей, выходим за невысокую деревянную ограду и сворачиваем направо. Переходим мостик, под которым весело кипит речушка Де-Рью, и отправляемся в гору по маршруту школьного автобуса (не знаю, курсирует ли он сейчас,—деревня насчитывает всего пятьдесят жителей). При входе в деревню справа видим крутой спуск с горы, над которым растут черешневые деревья с наливными спелыми ягодами—рви не хочу. Дальше—здание мэрии слева, а справа—старинная церковь Сен-Луи. По французским понятиям, не старинная и даже не очень старая постройка—она датируется 1874 годом. Но по внешним стенам пошли трещины. И тут пригодились знания моего мужа. По просьбе Даниэля Нюсса Янрик обследовал церковь и выяснил, что трещины появились от подвижек породы, скорей всего—глиняной матрицы, на которой построена церковь. Другими словами, церковь

стоит на камнях, пространство между которыми заполнено глиной, а от обильных дождей такие породы двигаются. Янрик предложил выкопать две ямы возле церкви, чтобы убедиться, так ли это (позже оказалось—именно так). Церковь спасёт хорошая система слива дождевой воды с крыши, чтобы она не текла на фундамент и стены, и мы надеемся, что Даниэль построит её и спасёт церковь.

Если пройти дальше по узкой улочке, можно быстро выйти к окраине деревни. Справа—разрушенный крестьянский дом, таких руин здесь много. За руинами тропинка упирается в обрыв. У обрыва стоит изящная скамья, растёт роскошный жасминовый куст. Здесь открывается вид на низко лежащую долину. В долине пасутся овцы, бродит пастух, лают собаки, не позволяя овцам разбредаться. За долиной вздымаются высокие горы.

Город Серр и его обитатели

Маленький средневековый город Серр, расположенный на реке Буеш, стремительно несущейся по скальному разлому, необычен. Он похож на браслет, надетый на почти отвесную скалу, а сама скала Ла Пиньолетт—на закрученный язык пламени. Город, как альпинист, карабкается вверх, и если взобраться повыше, то его дома и церкви видны послышно. Узкие трёх-, четырёх-, а то и пятиэтажные дома прилеплены один к другому, как ласточкины гнёзда,—такие цепи строений часто можно увидеть в старинных горных городах Европы. Чтобы осмотреть Серр, приходится взбираться и спускаться по узким улицам, по крутым каменным ступеням, и на каждом шагу вас ожидает сюрприз. Возле центральной площади стоят старые-старые дома, с одним крохотным окошечком-бойницей за толстой решёткой, смотрящим на улицу, ведущую вверх (остальные выходы в невидимый двор),—похожи на людей, повернувшихся к вам спиной. В первом «корже»—базовом слое домов—имеется городская ванна для стирки белья, нетронутая со средних веков. Она крупнее, чем в Сен-Жени, рассчитана на несколько прачек. Ванна встроена в фундамент дома, над ней нависает арка—в летний зной в Серре нестерпимо жарко, а под аркой можно постирать в тени. Из стены слева выходит кран—позднее нововведение. Двухуровневая ванна разделена на две части: одна—для стирки, другая—повыше—для полоскания белья, всё продумано. Чуть повыше в городе можно увидеть фонтанчики с питьевой водой. Улочки узкие, то там, то сям вас царапает по плечу жасминовый или розовый куст, ниспадающий из-за ограды и усыпанный цветами... или нежно поглаживает олеандровое деревце, растущее в горшке у порога. Маленькие окна с прихотливыми белоснежными кружевными занавесками... Двери, каждая из которых—произведение искусства, на дверях молоточки, чтобы оповестить хозяев о приходе

гостей. Молоточки-стулочки часто сделаны в виде женских ручек, с перстнями и кружевами на запястьях,— каждая ручка отличается от другой. Двери давно оснащены электрическими звонками, но хозяйева свято хранят молоточки—теперь это украшения. На ступеньках перед дверями и на порогах—горшки с кактусами или геранью, иногда с фиалками. У некоторых дверей в стены вмонтированы крупные кольца—привязывать лошадь. Кольца такие же старинные, как и город. Улочки часто предлагают вам нырнуть под арку, часто—пригнувшись. На улицах повсюду выдолблены дождевые стоки. Фактурная каменная кладка неоштукатуренных стен: овальные камни, выброшенные горами, переложенные раствором. Вот церковь Сан-Аре двенадцатого века. Она тесно зажата домами, сразу и не разберёшь, что перед тобой дом Бога. Вот ратуша, стеснённая другими домами,—это уже постройка эпохи Ренессанса. В здание ратуши ведёт резная деревянная дверь, представляющая собой произведение искусства: изображения домов и полуоткрытых ворот под углом мастерски вырезаны рукой художника в 1610 году. Сидел когда-то человек, никуда не топорился, вырезал по дереву...

Недавно в Серре появились чёрно-белые фотографии прошлых десятилетий, вмонтированные прямо в стены, а по соседству с ними—портреты известных уроженцев Серра. Среди них: известный географ Александр Корреар, выживший—одним из девяти—в кораблекрушении корабля «Медуза» у берегов Африки; астроном Жан-Луи Понс (родился в деревне Ла Пьярре под Серром), чьим именем названы лунный кратер и парочка открытых им комет; девушка-матрос Адель Альер—местный вариант кавалерист-девицы Дуровой; известный дагерротипист Жюль Итьер, одним из первых в мире начавший фотографировать экзотические страны.

Альпийцы—люди неторопливые. По характеру молчуны, о себе рассказывать не любят. Но и чужака расспрашивать не будут, захочет—сам расскажет. К незнакомцу присматриваются долго, с прищуром. При этом удивительно гостеприимны и любопытны, что, вероятно, характерно для жителей маленьких провинциальных городков всех стран. Статус нашей ежегодной экспедиции—изучение особенностей Альпийского горного хребта студентами Утрехтского университета под руководством голландских *les professeurs*—открывает перед преподавательским составом многие двери (я попадала во французские компании в качестве жены одного из преподавателей). Самые яркие мои воспоминания относятся к обедам в доме месье и мадам Парра—Армана и Анны. Чета живёт в деревне Ла Пьярре (той самой, в которой родился астроном). Арман—альпийский крепкий крестьянин, неввысокий, коренастый. Кожа его

обожжённого солнцем и продублённого ветрами лица цветом и консистенцией напоминает коричневый пергамент. Его лысину украшает клок поседевших волос, зачёсанных сбоку, а лицо—коротко подстриженные чёрные усы. Раньше Арман держал большое стадо баранов, на которых нажил неплохое состояние, купив несколько домов в деревне (их он сдаёт нашим студентам) и дав детям хорошее образование (выросшие отпрыски давно живут в больших городах). Дом его отлично отремонтирован и меблирован дорогой мебелью. За садом и огородом ухаживает жена. В огороде растут невиданной величины салат, срезаемый с градуса перед нашим приходом и в наисвежайшем виде съедаемый за обедом, крупные помидоры разных сортов, морковка, свёкла, кабачки, баклажаны, редиска и другие южные красавцы. Огромные кусты малины, садовая земляника, клубника. Растут черешневые деревья—гордость этих мест, их ягоды подаются на десерт.

Вот говорят, что гостеприимнее русских нет, а альпийцы жадноваты. Но нигде нас не кормили так, как в доме месье Парра! Сначала на стол подают закуски и аперитивы. Здесь меня научили пить мутный пастис, употребляемый французами перед едой для аппетита. Этот напиток изобрели из-за запрета на абсент, но скажите: какой француз без абсента? Фирма «Перно» в 1915 году изменила рецепт, начав добавлять в напиток анис вместо полыни. Пастис пьют маленькими стаканчиками, добавляя воду и лёд.

Дальше начинается пир. На русский стол все блюда ставятся сразу. На французский—постепенно: первая перемена, вторая, третья и так далее—до десерта.

После первого круга две хозяйюшки (Анне помогает её подруга Женевьева) убирают закуски и водружают на стол огромные миски свеженарезанного салата и киш—открытые круглые пироги из сыра, яиц и ветчины, необыкновенно нежные на вкус. Тут же ставятся тарелки с баклажанным суфле.

Дальше на сцену выхожу я со своим коронным и, надо сказать, беспроегранным номером—русским борщом или солянкой, сваренными в огромной кастрюле: едоков за столом от двенадцати до двадцати человек.

Затем на стол подают основные блюда—запечённую баранину или курятину (всё своё, фермерское) и блюда с gratenом—тонко порезанным картофелем, запечённым с сыром в духовке. Потом подаётся вышеупомянутая черешня. Затем—доски с разносортными твёрдыми и мягкими сырами—традиционным французским десертом. Нет, так много есть нельзя (как бы не лопнуть), но мы едим и едим, нахваливая щедрые дары альпийской земли и кулинарный талант хозяйки. Затем подают кофе с ликёрами и о-де-ви—«водой

жизни» — собственного изготовления. Эта крепкая водка, настоящая на каком-нибудь фрукте, часто на груше, — особая гордость хозяина. Из ликёров самый альпийский — это женепи. Дальний родственник абсента делается на основе местного горного варианта полыни. Травка, которую так и называют — женепи, растёт только здесь, на высоте 2400–3500 метров, и бывает белой и чёрной. Рецепт, кстати, не держится в секрете, высокогорную сухую полынь можно купить в супермаркете в пакетиках-саше, можно самому приготовить ликёр — самый простой, в виде настойки (травка — водка — сахар), а если хочется изыска, то надо перегонять ликёр как абсент. Местные употребляют женепи не только как дижестив после сытного обеда, но и как жаропонижающее при простудах, антисептик и даже как средство от горной болезни. Много пить не советую: в ликёре содержится небезобидный туйон — галлюциноген. Мы много и не пьём.

Наш гостеприимный хозяин разговорчив, любимые темы — политика и экономика. Почему-то больше всего мы говорим о Наполеоне.

Наполеона наш хозяин уважает и рад слышать, что в далёкой России находились и до сих пор находят его фанаты — например, поэтесса Марина Цветаева увлекалась им. Арман удивляется: ведь для русских он был врагом.

— Ну да, — говорю. — Но победить искусного и сильного врага — большая честь.

Надо сказать, что по этим местам проходил маршрут Наполеона, и он отмечен стрелками и памятниками его эпохи (о крепости Систерон расскажу чуть позже).

Разговоры заканчиваются где-то около полуночи, и мы выходим в темень. Крупные, как яблоки, наливные альпийские звёзды низко свисают с ночного неба: кажется, протяни руку — они треснут, и польётся на наши головы белый небесный сок.

Мы прощаемся с Арманом до следующего года.

Одна из самых ярких фигур в Серре — Ирина Сисалли, русская француженка. Она живёт в этом городке более сорока лет и знает всех, включая детей, младенцев, собак, кошек, а также жителей окрестных деревень и городков (крупных городов здесь нет). Маленькая блондинка с роскошными пепельными волосами и огромными голубыми глазами, в которых светится мудрость основательно пожившего на чужбине человека, на русскую не похожа. Я познакомилась с ней, кстати, только в третий заезд в Альпы, по наводке голландцев — коллег мужа (но знакомство произошло не через них): это они первые узнали, что Ира — русская, и, помню, меня это удивило. У Иры французское удлинённое лицо, крупный подбородок, характерный нос с горбинкой, тонкие губы. Её национальную принадлежность выдаёт только синий двойной нейлоновый фартук с оборочками — такой был у моей мамы, и его можно купить на рынке

любого нашего провинциального городка, но тот фартук я не сразу разглядела. Когда-то, в конце семидесятых годов прошлого века, Ирина вышла замуж в Москве за повара. Её Жан-Мари работал шеф-поваром в одном из московских ресторанов и предлагал ей жить в Москве. Но Ире хотелось во Францию, и они уехали на родину мужа, в Альпы. Здесь Жан-Мари купил караван, и они начали вдвоём выпекать пиццу. Жана-Мари давно нет на этом свете (сгорел от рака), но Ирина, как и её муж, держит рецепт в секрете — пицца славится в округе, и за ней приезжают даже из Гренобля (а ехать более ста километров по извилистым горным дорогам). Приезжают за знаменитой пиццей даже... повара пиццерий — никто не делает вкуснее. По-моему, Ирина тающая во рту пицца с хрустящей корочкой — самая вкусная не только в департаментах Прованс — Альпы — Лазурный Берег, но и в мире. Я ни разу не была в Италии, но не верю, что пицца там лучше. Потому что лучше быть не может. Выпекается знаменитая пицца в римской печи, прямо на огне (да-да, огонь не внизу разводится, а прямо в полукруглом жерле печи на поду — так пекли древние римляне), и у неё всегда чуть подгоревшая корочка. Дрова берутся только дубовые, у Иры есть свой поставщик — рубщик древесины фермер Жано. А разжигают дрова сосновыми ветками — они загораются быстрее. Сначала поленья должны прогореть. Пока они горят, отдавая печке жар, Ирина делает пиццу (тесто готовится заранее, в большом эмалированном ведре). Ингредиенты выбирает заказчик, а у Иры в холодильнике в караване есть любые: анчоусы, тунец, ветчина, чоризо, сосиски-меркезы, сало, оливки-маслины, сыр самый разный, мёд, яблоки, изюм, томаты, лук, грибы и я не знаю что ещё — список пицц, прикреплённый к внешней стороне вагончика, бескраен. Готовая к отправке в печь лепёшка поливается настоящим томатным соусом — не кетчупом, а собственного приготовления хозяйки, а по желанию заказчика — жгучим оливковым маслом, настоящим на чесноке, красном перце и альпийских травах, ведомых только хозяйке. Некоторые едоки просят сдобрить божественным соусом уже готовую пиццу.

Дрова прогорают, на поду перекачиваются сияющие красные угольки, пляшут огненные языки на остатках дров. Ирина берёт в руки кочергу и — раз! — сметает остатки топлива к краям печурки, потом хватает деревянную лопату на длинной ручке и — два! — сажает пиццу на железный лист.

Вот такое стихотворение написалось однажды:

Пиццерия в Серре

К Альпам, маленький, неважный,
прилепился с давних лет
городок разноэтажный,
как серебряный браслет.

Там избушка-пиццерия —
что за запах! Вот искры!
Дровяная печь внутри, я
к ней притронуться боюсь.

А Ирина не боится:
на берёзовых дровах
выпекается не пицца —
пицца свежая богам!

Вот она стоит с лопатой,
фартук старенький в муке.
Накалится под щербатый
на горячем уголке.

Пиццы в мире нет душистей —
хоть с чоризо, хоть с тунцом,
нет хрустящей, распушистой
и румянее лицом!

Ира-пицца, Ира-пицца,
напеки удачи нам,
чтоб альпийская страница
развернулась к небесам!

Если счастье за горами —
чтоб до них рукой подать!
Чтоб цвела в оконной раме
маковая благодать!

..Блеском молнии-зарницы
подрумьянили простор.
Солнце вкусной спелой пиццей
соскользнуло к нам на стол.

А настоящее имя русской альпийки Ирины —
Лирина, так записано в паспорте. Мать её была
учителем русского языка и литературы, а отец —
инженером, страстно влюблённым в отечествен-
ную литературу. Они придумали назвать дочку
Лириной — в честь лирики. После смерти мужа
Ира-Лирина живёт одна, в маленьком домике
напротив своего древнего каравана, который она
называет своим антиквариатом. В домике всего
две комнаты — спальня и столовая, зато есть не-
малая кухня, где хозяйка священнодействует с
тестом и добавками, и большой погреб для хране-
ния продуктов и напитков. При домике — садик с
большим деревом, растущим посередине, цветы.
В доме звучат русские песни. Ира скучает по сво-
ей семье — по сестре, живущей в Белгороде, и по
брату, закрепившемуся на Сахалине. Раз в году
Ира ездит в Россию.

— Как бы тяжело в России ни жилось, а там —
родина. Там мы свои, — как-то она обмолвилась.

Не могу не согласиться.

Ресторан при гостинице, в котором собираются
голландцы и где мы ежегодно отмечаем заверше-
ние экскурсии в горное ущелье Девалуи, называ-
ется «Du Nord» — «Север». Ресторан и гостиница
принадлежат албанской семье: мужа зовут Ифи,

жену — Раба. Раба готовит гостям обеды, стоит на
кухне до глубокой ночи, Ифи — за барной стойкой.
Официантами работают дети, когда они не в школе
(их трое), и помощница Нуазетт. Нас любят, мы не
только хорошие клиенты, приносящие неплохой
доход ресторану, но и весёлые ребята. Приходим
с гитарами, один из наших преподавателей играет
на гармонии и поёт песни квебекцев — канадских
французов. Обычно после обильного застолья
студентов развозят по домам, а преподаватель-
ский состав возвращается и сидит до полуночи.
Нас балуют: угощают ликёрами, кофе, сигаретами
за счёт заведения. Однажды Ифи показал нам
фотографию шестидесятих годов: Чарли Чаплин
на фоне их ресторана. Смеющийся седой Чарли
Чаплин, снятый с молодой и симпатичной жи-
тельницей Серра.

— Он проезжал Серр, когда ездил из Швейцарии на
Лазурный Берег, и всегда останавливался в нашей
гостинице и у нас же обедал. Самый знаменитый
постоялец «Du Nord». Только тогда гостиница
принадлежала другим людям.

Непонятно только, почему реликвия не висит
на стене в рамке...

Голландцев восхитили моя прыть и скорое (на
второй год) знакомство со всеми русскими и рус-
скоязычными Серра. А всё произошло само собой.
Зашли с мужем на почту отправить друзьям от-
крытки с видами. На мне были русские эмалевые
серёжки с красными цветочками. Их-то и опознала
одна из Маш, живших в Серре, — Маша-украинка.
Она отправляла в то время посылку на родину.
Маша потащила меня к Ире-Лирине. А потом
мы пошли в дом напротив, на второй этаж, зна-
комиться с Машей питерской. С тех пор в Буеше
утекло много воды. Маша-украинка умерла от рака.
С Машей питерской случилась невесёлая личная
история, она вернулась в Санкт-Петербург, а её
детей, Артура и Дину, отдали сначала в приёмные
семьи, потом — отцам. Маша дважды попыталась
вывезти несовершеннолетнюю Дину в Петербург
без согласия отца. На первый раз её простили, а
второй случай считается рецидивом. Машу поса-
дили сначала на какое-то время в тюрьму, потом
выпустили, но лишили материнских прав. Таково
французское законодательство, и оно, увы, неумо-
лимо. Дина снова очутилась в приёмной семье,
девочка возненавидела новую партнёршу отца.
Когда начались скандалы, опека посчитала нуж-
ным отделить ребёнка. Лишившись прав на детей,
Маша сначала уехала в Санкт-Петербург, потом
вернулась, потом и вовсе исчезла. Эта история в
диссонансе с остальным текстом, но жизнь, увы,
не туристическая поездка.

Раньше в Серре, а теперь в другом городке не-
подалёку, Розанне, живёт ещё один интересный
человек — Паскаль, вполне русскоязычный. Он
наполовину француз, по отцу, между прочим,

маркиз (титул во Франци давно ничего не значит), на четвёрт испанец, на четвёрт — русский. Этот вальяжный, длинноволосый и кудрявый парижанин, сбежавший из Парижа на природу, прекрасно и без акцента говорит на языках своих предков, на английском и ещё на каких-то, я не вдавалась. Паскаль — музыкант и руководит русско-цыганским ансамблем. Танцовщицы и певицы остались в Париже. Руководитель общается с ними по телефону, называет их нежно по-русски «мачочками», концерты устраивает тоже по телефону. И по Интернету. У нас в гостях он был только раз, его привели Ира и Маша питерская. Мы тогда сидели на нашей террасе всей голландской компанией — праздновали день рождения одного из сотрудников. В компании была гитара, на которой руководитель экспедиции Мартин очень любит исполнять что-нибудь классическое, из «Битлз», «Роллингс», Джонни Кэша, Джима Моррисона.

Каково же было наше удивление, когда Паскаль, попросив гитару, запел на чистом русском «Эх, ребята, всё не так!» Высоцкого. Русская часть застолья начала подпевать. Голландцы были в восторге. Тогда же Маша привела к нам свою французскую подружку Эли, ещё одну гитаристку. Эли пела на французском «Дорогой длиною», а мы подпевали на русском.

Помнится, я спросила Паскаля, не скучает ли он по Парижу.

— Нет, не скучаю. Звоню, к примеру, дочери и спрашиваю, где она. А она сообщает, что разговаривает с дерева, на котором ест черешню. В Париже это невозможно, — улыбается он.

Рояль в кустах

Однажды я вышла прогуляться к озеру Лак-де-Рью и увидела... рояль в кустах. Честное слово! Просто пошла на озеро, к которому хожу загорать уже много ионей подряд, и вижу под ивой, рядом с кустами... рояль. Небольшой такой, кабинетный.

К роялю подошёл молодой человек, назвался Серетином (ударение на «и»), сыграл Рахманинова, узнав, что я русская, и пригласил вечером на концерт. Оправившись от шока, спросила, кто он. Оказалось, он и другие — музыканты из Лиона, сейчас на гастролях по югу Франции. Проект называется «Вольер пианино» («La Volière aux Pianos»). Они действительно играют в кустах и даже на деревьях (да-да, поднимают рояль на прочные ветки дерева, там же устанавливают стул для исполнителя), у озёр и у моря, а также на воде, на плоту). Играют в горах на снегу. В пустынях. В общем, где они только не играют... В космосе пока не играли. В Москве тоже пока не играли.

Мы с мужем так спешили домой — поесть и переодеться, что забыли фотоаппарат. Пришли на концерт, а там... сцена из Кустурицы! Стоят люди с духовыми музыкальными инструментами —

по колону в воде, причём в холодной, — и играют сербскую и македонскую музыку. Рояль стоит на плоту, плот — на воде. Серетин за инструментом. У берега танцуют двое — скрипачка и руководитель группы Филипп. Даже я исполнила несколько па. Кустурицу люблю и так растрогалась, что подарила букет, нарванный у нашего дома и предназначенный Серетину, девушке-скрипачке. После концерта разговорилась с Филиппом, который к тому же сносно изъясняется по-русски (учил язык в школе). Рассказал удивительные вещи, как-то: у них есть номер, воспроизводящий выдумку Бориса Виана (французского писателя русского происхождения середины двадцатого века), — рояль-бар. Каждая клавиша пианино соединена тоненькой трубочкой с бутылками, стоящими наверху (а вся конструкция напоминает высокий бар, в который встроено пианино). Прямо на пианино стоят в ряд высокие стаканы для коктейля. Из каждой бутылки, понятное дело, свисает вторая трубочка — в стаканы. Каждый удар по клавише выдавливает немного напитка. Музыкант играет — стаканы наполняются музыкальным напитком. И, соответственно, борис-виановским литературным замыслом.

Озеро Эспаррон

Постепенно, год за годом, мы начали осваивать ареал — ездить на расстояния восемьдесят-сто и более километров от нашей деревушки. Однажды нам посоветовали съездить на Эспаррон. Это большое искусственное озеро устроено в горном ущелье неподалёку от курортного городка Эспаррон-де-Вердон. В семидесятые реку Вердон запрудили плотиной, чтобы построить электростанцию. В результате выиграла все — и близлежащие города, получившие электроснабжение, и провинция, на балансе которой появилась одна из самых посещаемых природных достопримечательностей Франции.

Подъезжая к озеру, видишь величественную картину, от которой реально захватывает дух: низко внизу, между невероятно высокими, заросшими лесом утёсами, простирается бесконечное озеро яркой незабудковой голубизны. Трудно поверить, что оно — плод человеческого разума и рук, настолько естественно оно выглядит. У озера — курортный посёлок, много ресторанов и кафе. Нигде не задерживаясь, идём к берегу — окунуться.

Вода прозрачная и тёплая — ныряешь и видишь дно, а террасы, ведущие прямо в воду, набиты древними аммонитами. Они белые и чистые, и всё это похоже на Эгейское море. К нам подплыл селезень и начал кружить. Мы ели чипсы и поняли, что селезень приплыл за угощением. Поделились с ним. Непуганый, он подходил совсем близко, и я могла фотографировать его. Он благодарно ел, а потом пил воду из озера — чипсы всё-таки солёные. Выходя из озера после купания, увидела два

деревца в симбиозе, склонившиеся над террасами, — мушмулу и сливу — и подумала, что вот так, наверное, в раю: выходишь из тёплой чистой воды, а деревья сами тебе протягивают плоды — бери и ешь. Только эти плоды пока незрелые, а в раю спелые, там, наверное, вечный август.

Монтбрюн-ле-Бэн

Съездили мы и в Montbrun-les-Bains. Эта деревня разрекламирована как одна из красивейших деревень Франции из-за термальных источников, минеральная водичка, вытекающая из-под гор, — всего-то двенадцать градусов. Вода, естественно, подогревается, но это не афишируется. Мы были первыми, кто задал вопрос о температуре и составе воды секретарю, продающей билеты на вход. Ей пришлось заглянуть в Интернет. А ещё говорят, мы, русские, ленивы и нелюбопытны. . . французы точно такие же, если не хуже. Здание с небольшим бассейном, саунами двух видов и двумя мини-тюрными джакузи на крыше — красивое, спору нет. В подвальном помещении восточная баня — хамам, лечебные ванны, массажные кабинеты. Всё очень дорого. В помещении фотографировать запрещено, фотоаппарат попросили оставить в входе. Мы взяли билеты на посещение бассейна и джакузи. В бассейне можно плавать, но люди там просто сидят, как лягушки. Плавали только мы. Потом по лесенке поднялись на крышу здания, на которой установлены две ванны-джакузи. На рекламной табличке написано, что каждое вмещает шесть человек. Неправда: там и четверо умещаются с трудом. Но, возможно, шестеро миниатюрных французов уместились бы — потомки галлов, в общем, небольшого роста и узкой комплекции, а французские двуспальные кровати, к примеру, сильно отличаются по размеру от голландских и русских.

Что сказать про саму деревню? Мы спешили, Янрику нужно было попасть вовремя к студентам, и поэтому деревню толком не посмотрели. Да, красиво и средневеково, но мы видели не менее красивые деревни. Там ещё есть шато — замок пятнадцатого века, в него не пошли по той же причине — отсутствия времени.

Умилила реклама «литературного обеда» в одном из кафе, куда мы заглянули выпить чего-нибудь, — его нужно было назвать «детективное меню». Впрочем, детектив и женский роман — лицо современной литературы, ничего не поделаешь. А меню предлагало блюда, описанные Жоржем Сименоном, Агатой Кристи и другими мастерами жанра.

Гап

Гап (Gap) по-французски значит «зазор», «трещина». Город лежит в горах, в низине, в департаменте

Прованс, но он больше относится к области До-фине, как и Гренобль. Хотя Гап — это что-то вроде местной столицы (целых тридцать восемь тысяч жителей) и в нём есть крупный медицинский центр, но город скучноват. Очень провинциален — вдоль проезжей дороги стоят скамеечки с сидящими бабками. Французские бабки платочки не носят, но судачат так же, как наши русские бабушки. Интересно, о чём или о ком — о проезжающих? Им не хватает только семечек. Семечки подсолнуха в местных супермаркетах есть, но они на любителя: кожура толстая, покрыта коркой соли, зерно мелкое. Может быть, кто-то и ест такие с пивом. Без пива невозможно — слишком солоно.

Немного истории: возник Гап в четырнадцатом году до нашей эры в качестве римского военного лагеря. А вот городские стены были построены только в пятом веке. До шестнадцатого века управлялся католической епархией, был аннексирован Францией в 1519 году. В 1790-м стал префектурой Верхних Альп.

Известен как самая высокая префектура Франции и как город сильной хоккейной команды. Местные хоккеисты дважды становились чемпионами Франции.

Центр города покорила нас скульптурой читающей девушки. Она сидит на краю фонтана и смотрит в раскрытую книгу.

В Гапе очень яркий и высокий католический собор, в котором с английскими субтитрами крутят фильм об Иисусе Христе. Прямо в церкви оборудован небольшой кинозал с фонтаном — необычайно красиво. Людей в соборе не было, только мы. . .

Цитадель Систерона

Конечно, мы побывали и в Систероне, и не один раз — не так уж он далеко от Серра и Сен-Жени, примерно в тридцати километрах. Этот небольшой городок уютно устроился среди скал на берегу реки Дюранс. Количество местных жителей едва достигает семи тысяч человек, но их всё-таки раз в пять больше, чем в Серре. В западной части города, в окружении жилых домов, возвышаются скалы причудливых форм. Их вертикальные страты геологи всего мира считают чудом. Они похожи на распахнутые страницы пухлой книги. Но под странным ракурсом, потом что скалы сгруппированы в форме высокой остроконечной пирамиды. Через реку Дюранс к восточной его части ведёт старинный римский мост. Несмотря на то, что Систерон находится в необычном месте, он как бы оторван от остального мира, как Серр и Гап, — во всех трёх городах практически нет туристов. Городские узкие улочки и расположенные вдоль них старинные дома Систерона, его бесконечные лестницы и арки напоминают Серр, только здесь больше пространства и домов больше. И река полноводнее.

Первые поселения на этом месте существовали ещё четыре тысячи лет назад. А первое упоминание названия этого места относится к двадцать седьмому году до нашей эры. Тогда город назывался Оппидум—это кельтское название города-укрепления периода Римской империи. Затем город назывался по-римски Каструмом. От Оппидума и Каструма не осталось никаких следов.

Главная достопримечательность Систерона—его старинная крепость, или, как гордо величают её местные жители, цитадель, возведённая на скалистых склонах восточной части города. О, это дана почтенная, с богатой событиями жизнью! Она довольно обширна, окружена двойными стенами, на её территории много построек, башен, в том числе музеев и часовня Божьей Матери. Местная Нотр-Дам построена в пятнадцатом веке из золотистого песчаника и серого ракушечника. Её много раз перестраивали и украшали, а в 1935 году поставили уникальные витражи, увы, разрушенные бомбардировкой пятнадцатого августа 1944 года. Их восстановили только в 1970 году. Ежегодно четырнадцатого августа в церкви проводится месса в честь погибших пятнадцатого августа под бомбами.

История цитадели весьма интересна. Возведение крепости относят к одиннадцатому столетию, времена правления Генриха IV, который называл её «самой мощной крепостью королевства». В тринадцатом веке крепость была защитным сооружением—пограничным постом Прованса. В конце семнадцатого века маршалом Вобаном было произведено дополнительное укрепление цитадели, позволявшее выдерживать атаки огнестрельного оружия. В 1562 году в Провансе разразилась религиозная война. Католики и гугеноты без конца сражались за крепость, чем основательно её разрушили.

В 1639 году в каземат главной башни был заключён польский принц Ян Казимир Ваза, ставший через девять лет королём Польши. Попал будущий король в тюрьму по-глупому. В 1638 году Ришелье затеял беспощадную войну с Испанией. Польша всегда дружила с Францией, но после начала войны отвернулась от неё. Польский принц должен был отправиться в Испанию и принять там командование. Это держалось в секрете, но всё-таки достигло парижских ушей. Через Австрию Ян Казимир поехал в Геную, откуда должен был отплыть в Неаполь, пересечь на испанский галеон и отправиться в Испанию. На его беду, генуэзцы устроили карнавал, молодой принц поволокся за хорошенькой итальянкой и... упустил испанские корабли. В конце концов он сел в какую-то лодку и отплыл из Генуи. Море было беспокойным, а принц—подвержен морской болезни. Не выдержав качки, вопреки всем советам, он вышел в Сен-Тропе, решив поехать далее по суше. В Марселе принца опознали и арестовали.

Отвезли в Салон-де-Прованс, оттуда—в каземат цитадели. Случилось это тринадцатого февраля 1639 года. Над будущим королём Польши издевались солдаты, сделав его мишенью для скабрёзных шуток, раздевали его догола при февральском холоде и июньской жаре. Принц писал письма родному брату Ладиславу—в то время королю Польши, французскому королю Людовику XIII, Папе Римскому, Ришелье и патеру Йозефу. Никто не протянул ему руки, но когда принц был готов свести счёты с жизнью, из страшного каземата его вдруг вызволил... Ришелье. Принц отсидел ещё полгода в тюрьме в городе Винсене, а потом был отпущен на свободу с разрешением выехать в свою страну. Он прожил ещё бурных тридцать три года, в течение которых стал королём Польши, дважды женился и дважды овдовел, принял духовный сан, отрёкся от польского престола, и закончил свои дни во Франции, в городе Невере, сделавшись аббатом Сен-Жерменского монастыря.

Помнит цитадель и ещё одного знаменитого постояльца. Пятого марта 1815 года в ней останавливался Наполеон. Сбежав с Эльбы, он высадился первого марта в заливе Жуан недалеко от Канн, с одной тысячей солдат направился в Париж по дороге через Систерон и Гренобль, в обход пророялистски настроенного Прованса. Но мэр Систерона оказался также роялистом и принял решение задержать узурпатора (так роялисты называли Наполеона). Узнав о незваном госте четвёртого марта, он собрался поднять город и обстрелять войско Наполеона из пушек, когда солдаты будут переходить мост. Судьба всей Европы зависела тогда от цитадели! Если бы мэру Жозе-Лауренту де Гомберту удался его план, то не было бы и речи о «Ста днях» и Ватерлоо. Поднявшись в цитадель с утра пораньше, мэр столкнулся там с губернатором Машеминем. Этим же утром губернатор получил приказ убрать из крепости весь порох и боеприпасы. Непонятный приказ был отдан Ловердо—представителем Людовика XIII в департаменте. Но... возможно, Ловердо был тайным приверженцем Наполеона, и Машемин не должен ему подчиняться? Станный приказ короля покрыт тайной... Поединок между мэром и губернатором закончился тем, что роялист де Гомберт разрешил всё-таки вынести порох из цитадели, повинувшись приказу. Но он не терял надежды и без пушек задержать Наполеона. Спустившись вниз, в город, мэр призывал добровольцев побороться за город и за короля. Но город словно вымер, почти никто не откликнулся на призыв. В ночь с четвёртого на пятое марта при входе в город охраняли всего несколько безоружных людей... Пятого Бонапарт со своим войском въехал в Систерон и встретился с мэром. Мэр честно сообщил, что пытался его задержать, но ничего не получилось. Наполеон проявил понимание и не тронул мэра.

Сохранилась одна история о встрече Наполеона систеронцами. Перед въездом императора в город толпа высыпала на улицы — скорее, чтобы увидеть легендарную личность, нежели возликовать при её появлении. Около двух часов пополудни Наполеон появился на пороге башни «Золотая рука». Юная работница из толпы поднялась к нему, чтобы подарить вышитый ею флаг. Наполеон поблагодарил и обнял её. Тут-то толпа и возликовала. Потом император сел на лошадь и поехал. Работница положила руку на колено Бонапарта и так шла, провожая его, до конца города. Последняя преграда на пути императора — цитадель — была преодолена: дофины, в чьём владении был департамент, были на его стороне. История сохранила его слова, обращённые к маршалу Бертрону при выезде из Систерона: «Теперь я достиг Парижа».

Экс-ан-Прованс

Запасаясь впечатлениями на зиму, как витаминами, съездили в город Экс-ан-Прованс. Доехали до города гораздо быстрее, чем до Гренобля. В Гренобль нет скоростной дороги от Серра, а в Экс есть. Ну, это ещё с римлян повелось. В четвёртом веке до нашей эры земли, на которых находится Экс-ан-Прованс, были заселены кельтско-лигурийскими племенами. Их столица находилась к северу от современного Экса. Греки из колонии Массалия (современный Марсель) жаловались римлянам на кельтов, и в 123 году до нашей эры римский консул Секстий наголову разбил лигурийцев и разрушил их столицу. На её месте он разбил военный лагерь Аква Секстия для защиты торгового пути между Римом и Массалией.

В четвёртом веке Аква Секстия становится столицей римской провинции Нарбон. Потом началось перекидывание города из рук в руки: кем он только не был захвачен! В пятом веке нашей эры город был захвачен визиготами. Потом — франками и ломбардами. В восьмом веке город заняли сарацины. Расцвета Экс-ан-Прованс достигает только в двенадцатом веке, во времена правления графов Прованса, а в пятнадцатом веке герцог Анжуйский, номинальный король Сицилии Рене, превратил Экс-ан-Прованс в крупный университетский и культурный центр. С тех пор Экс-ан-Прованс таким и остаётся — городом учёных, художников и поэтов.

В этом городе родился и провёл большую часть жизни художник Поль Сезанн. В этом городе завязалась его дружба с Эмилем Золя. Золя родился в Париже, но в три года был привезён в Экс-ан-Прованс, где отец будущего писателя получил контракт на строительство канала. Увы, до дома Сезанна мы так и не дошли, запутались в улочках, а когда распутались, на часах было около девятнадцати ноль-ноль — время закрытия музеев.

В Эксе есть чудесный музей Гране, в котором мы побывали. Франсуа Мариус Гране был художником, большую часть своих денег тратившим на полотна современников — художников-импрессионистов. Он передал коллекцию в дар родному городу в 1838 году. А после Второй мировой войны музей получил его имя.

В музее Гране хранится коллекция старых полотен и скульптур, а также картины художников-импрессионистов конца девятнадцатого — начала двадцатого века. Тогда в музее Гране проходила выставка работ Шарля Камоана, замечательного художника-фовиста, которого, я к стыду своему, совсем не знала. Он умел волшебным образом передавать свет. Свет его такой же, как в природе, но не фотографический, а свой, камоановский, жизнелюбивый. А ещё он чудесно рисовал женские портреты. Перед его полотнами можно стоять бесконечно, они заряжают, как солнечные батареи.

Гренобль

Посетили мы и Гренобль. Из нашей глухомани сложно добираться до всего: серпантин, горы, мало скоростной дорог, и сто километров часто преодолеваешь за два — два с половиной часа пути. Но мы поехали. И не пожалели!

Гренобль начался в третьем веке с укрепленного поселения Куларо, построенного аллоброгами (аллоброги — кельтский народ, живший между реками Изерой и Роной). Потом, понятное дело, пришли римляне и переименовали город в Грацианополь — по имени правящего в 380 году императора Грациана. Много позже название города потеряло несколько букв и, приобретая галльский акцент, стало звучать как Гренобль. После распада Римской империи город относился к бургундским королевствам, вплоть до 1032 года. В том году город отошёл к Священной Римской империи, в которой и состоял до средних веков, а именно до 1349 года, когда был продан Франции. Он стал центром провинции Дофине и остался им до сих пор.

Из-за своего географического положения — город раскинулся в долине, чаще между тремя альпийскими массивами: Шартрёз (кстати, именно, откуда произошёл знаменитый травяной ликёр «Шартрёз»), Бельдон и Велькор, — стал крепостью, плацдармом для войн французов с савойскими герцогами. Во время Итальянских войн здесь стояла французская армия, в которой блистал местный дворянин Баярд.

Хотя население Гренобля невелико (сто пятьдесят пять тысяч человек), но значение города для Франции весьма серьёзно: альпийский город славится университетами (их целых три!) и наукой. Это центр нанотехнологий и ядерной промышленности. Здесь есть свой большой драмтеатр и целых двенадцать музеев! Гренобль, как оказалось,

связан с двумя из моих трёх родных городов: Кишинёвом и Оршей. Кишинёв—город-побратим Гренобля. А в Орше побывал самый знаменитый греноблец—Анри Стендаль. С армией Наполеона, в которой служил драгуном. В общем, мир тесен.

В гостях у Стендаля

Побывали в гостях у Стендаля, вернее, у его девушки—Анри Ганьона, в квартире на втором этаже, где прошло детство маленького Анри Бейля (настоящее имя Стендаля), полусироты. Мальчик лишился матери в семилетнем возрасте, и дед, отец его матери, пригласил осиротевшую семью—отца Стендаля, его самого и его сестёр—жить в его большой квартире на улице Гектора Берлиоза. Квартира, а также большая галерея с видом на город не изменились, находятся в хорошем состоянии, но ни одной вещи из их быта не сохранилось.

Хорошие отношения у малыша Анри были только с дедом, а вот отец его не понимал. Дед, врач по профессии, был увлечён просветителями, был лично знаком с Вольтером и привил внуку любовь к своему знакомцу, а также к Дидро и Гельвецию.

Из этой квартиры Анри Бейль поехал в Париж поступать в Политехническую школу (с математикой у него было всё в порядке), но вместо этого, воодушевлённый переворотом Наполеона, записался в его армию. Влиятельные родственники выхлопотали для него направление в Северную Италию, и Стендаль навсегда влюбился в эту страну.

Стендаль был, похоже, человеком страстей. В 1802 году, разочаровавшись в Наполеоне, подал в отставку, жил в Париже, где упорно занимался самообразованием.

Потом влюбился в актрису Мелани Луазон и последовал за ней в Марсель. В 1805 году вернулся на службу в армию, с которой побывал в Италии, Германии, Австрии. В походах писал заметки о живописи и музыке. Вообще, Стендаль в своё время был известен не как писатель-беллетрист, а как автор путевых очерков и биографий великих.

С наполеоновской же армией прошёлся он и по России. Он был в одном из моих родных городов (на родине моей матери)—Орше. При переправе через Березину Стендаль потерял многие из своих записных книжек, одну из них я видела в доме-музее Гренобля: пухлая, небольшого формата, удобная для ношения в кармане. Обложка бархатная, лиловая. А в Орше, в музее коллегиума иезуитов, есть стенд, посвящённый Стендалю. Кстати, город Верьер, в котором происходит действие романа «Красное и чёрное»,—это на самом деле Гренобль, а сюжет романа взят из местной газетной хроники. Современник великого француза Пушкин высоко ценил его романы, а ещё Стендаль считается одним из предшественников Льва Толстого—своими доскональными анализами психологии героев.

Подвижная, динамичная проза Стендаля опередила своё время. Он не лил воду в тексты, писал коротко и конкретно и сам предсказывал, что его прозу оценят по достоинству не раньше 1880 года. Так и случилось.

Подойдя к дому деда писателя, мы увидели ряд табличек жильцов. На одной из табличек значится имя: Анри Стендаль. В старом Гренобле всё дышит историей. Неудивительно, что жильцы дома, в котором когда-то жил врач Анри Ганьон с маленьким внуком—старательным учеником центральной гренобльской гимназии, могут с гордостью сказать, что они—соседи Стендаля.